

4Г
Г88

А. Гордягинъ

1915 г.

ПАМЯТИ

Н. Д. Скалозубова

Приложение къ протоколамъ засѣданій Общества Естествоиспытателей при
Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ № 312

ески
ФОНД

КАЗАНЬ

Типо-литографія Императорскаго Университета

1915

- 8/М -

Государственная библиотека Югры	КО
---------------------------------------	----

Николай Лукич Скалозубовъ, родившійся въ Костромѣ 29 октября 1861 года, съ 18-лѣтняго возраста принужденъ былъ принять на себя заботы о поддержаніи семьи, въ которой, послѣ смерти отца, онъ остался старшимъ работникомъ. Несмотря на матеріальную необеспеченность, Н. Л. поступилъ въ Петровскую Академію; въ студенческіе годы, проведенные въ ней, подъ вліяніемъ, повидимому, К. А. Тимирязева, котораго Н. Л. высоко цѣнилъ и съ которымъ до послѣдняго времени поддерживалъ личныя отношенія, зародилось въ Н. Л. стремленіе къ изученію русской природы. Поэтому, получивъ послѣ окончанія курса мѣсто земскаго статистика въ Красноуфимскѣ, Н. Л. приступилъ къ собиранію растений и насѣкомыхъ преимущественно въ ближайшихъ окрестностяхъ этого пункта, извѣстнаго богатствомъ и разнообразіемъ естественно-историческихъ условій. Счастливый случай вскорѣ свелъ Н. Л-ча съ покойнымъ С. И. Коржинскимъ, посѣщавшимъ Красноуфимскъ въ 1886 и 1887 гг. во время его поѣздокъ по Пермской губ. Знакомство это, перешедшее въ дружбу, имѣло большое значеніе для Н. Л-ча: принявъ участіе въ нѣкоторыхъ экскурсіяхъ Коржинскаго за указанные годы, Н. Л. получилъ возможность практически ознакомиться съ задачами и техникой полевыхъ изслѣдованій, между прочимъ, и почвенныхъ; послѣднія были для него, какъ и для большинства тогдашнихъ агрономовъ, дѣломъ совершенно новымъ. Можно думать, что именно подъ вліяніемъ С. И. Коржинскаго окрѣпла и

окончательно развилась въ Н. Л-чѣ любовь къ естественно-историческимъ изслѣдованіямъ, наполнявшая его жизнь и облегчавшая перепесеніе многоразличныхъ тяготъ, которыя выпадали на личную долю Н. Л-ча. Подъ вліяніемъ того же Коржинскаго образовался въ Н. Л-чѣ и нѣкоторой наклонъ въ сторону виталистическаго міровоззрѣнія, сказавшійся, между прочимъ, въ предисловіи къ его книгѣ: „Что нужно знать земледѣльцу о жизни растенія“ (СПб., 1910) и въ нѣкоторыхъ другихъ его статьяхъ.

За время пребыванія въ Пермской губ. (по 1894 г.), Н. Л. былъ очень занятъ статистической работой и экономическими изслѣдованіями; однако, почти все свои досуги онъ посвящалъ собиранію растеній и приведенію въ порядокъ своихъ коллекцій. Въ Пермской губ. имъ было сдѣлано значительное число интересныхъ ботаническихъ находокъ; часть ихъ отмѣчена въ работахъ Коржинскаго (преимущественно въ Tentamen Fl. Ross. or.), часть осталась неопубликованной до настоящаго времени. Присущая Н. Л-чу скромность препятствовала ему выступать въ печати съ своими наблюденіями надъ флорой нѣкоторыхъ мѣстонахожденій, имъ впервые обследованныхъ въ Пермской губ. Поэтому, за пермскій періодъ своей дѣятельности, Н. Л. рѣшился напечатать въ Зап. Ур. О. Л. Е. лишь два ботаническихъ сообщенія (о сорной растительности Красноуфимскаго и Осинскаго у. и о растительности шутьмовъ, т. е. залежей) по вопросамъ, въ которыхъ онъ могъ считать себя, какъ агронома, достаточно компетентнымъ. Кроме того, совместно съ М. И. Мизеровымъ, имъ опубликованы свѣдѣнія о растеніяхъ, примѣняемыхъ въ пародной медицинѣ въ Красноуфимскомъ у.

Въ 1894 г. Н. Л. переселился въ Тобольскъ на должность губернскаго агронома. Лѣтомъ этого года онъ предпринялъ 2-мѣсячную поѣздку, преимущественно по южнымъ уѣздамъ губерніи, при чемъ занимался болѣе всего наблюденіями надъ почвеннымъ (и растительнымъ) покровомъ района экскурсіи и такимъ образомъ положилъ начало изслѣдованію почвъ Тобольской губ. Надо замѣтить, что въ то время черноземный югъ Тобольской губерніи переживалъ рядъ тяжелыхъ годовъ: засухи, а потомъ и чрезмѣрное размноженіе саранчевыхъ („ко-

былки“) привели къ огромнымъ бѣдствіямъ: мѣстное населеніе кой гдѣ начало даже бросать насиженные черноземные районы и переселяться въ лѣсную полосу губерніи, а правительству пришлось примѣнять обширныя мѣропріятія для борьбы съ голодомъ, болѣзнями и „кобылкой“. Борьба съ „кобылкой“, несмотря на личное участіе въ ней такихъ энтомологовъ, какъ гг. Порчинскій и Линдеманъ, не принесла замѣтныхъ практическихъ результатовъ: „кобылка“ въ концѣ концовъ сама пошла на убыль. Этотъ фактъ, равно какъ и невозможность или очевидная нецѣлесообразность нѣкоторыхъ мѣръ борьбы съ нею посреди своеобразной естественно-исторической обстановки юга Тобольской губ., заставили Н. Л. обратиться къ мысли о необходимости предварительнаго изученія именно естественно-историческихъ условій района, въ которомъ развились стихійныя бѣдствія начала 90-хъ годовъ. Съ другой стороны, желательность такого изученія диктовалась и интересами переселенческаго дѣла: на юго-востокѣ губерніи совершался въ то время выдѣлъ земельныхъ участковъ для переселенцевъ, при чемъ естественно-историческая годность выдѣляемыхъ земель являлась далеко не во всѣхъ случаяхъ безспорной. Мысль Н. Л-ча нашла сочувствіе въ тогдашнемъ губернаторѣ Тобольской губ., покойномъ Н. М. Богдановичѣ, а въ послѣдствіи пользовалась поддержкой и со стороны его преемника, Л. М. Князева. Благодаря этому, въ 1895 г. пишущій эти строки былъ приглашенъ для производства почвенныхъ и ботаническихъ изслѣдованій въ южныхъ уѣздахъ губерніи; въ 1896 г. приглашеніе было повторено, при чемъ изслѣдованія были расширены привлеченіемъ къ нимъ гг. М. Д. Рузскаго и В. Р. Заленскаго; наконецъ, въ 1899 г. мнѣ удалось сдѣлать еще одну экскурсію, уже въ болѣе сѣверные районы Тобольской губ. Успѣшности всѣхъ этихъ изслѣдованій въ большой мѣрѣ содѣйствовалъ Н. Л. не только въ качествѣ члена губернской администраціи, а именно въ качествѣ натуралиста; при поѣздкѣ 1894 г., а равно и при разъѣздахъ по губерніи въ дальнѣйшіе годы, имъ были разысканы многія изъ тѣхъ мѣстностей, любопытныхъ въ почвенномъ и ботаническомъ отношеніи, которыя были подвергнуты болѣе детальному изученію мной (напр. Илецко-Иковская дача, Сорочья степь, степь въ районѣ Беки-

шево-Сухово, лѣса около Копотиловой); въ пѣкоторыхъ пунктахъ Н. Л. принималъ и непосредственное участіе въ моей работѣ (Самарово, Копотилова).

Н. Л. понималъ, конечно, недостаточность изслѣдованій, произведенныхъ на югѣ губерніи; однако, организовать изслѣдованія болѣе детальныя не представлялось возможнымъ. Сознывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что изученіе естественно-историческихъ условій экспедиціоннымъ путемъ можетъ дать лишь общій базисъ для различныхъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій, сами же мѣропріятія эти въ деталяхъ должны быть вырабатываемы на мѣстахъ, Н. Л. неоднократно доказывалъ въ печати необходимость учрежденія сельскохоз. опытныхъ станцій въ Сибири. Но и этому его пожеланію не суждено было осуществиться. Детальныя естественно-историческія изслѣдованія и учрежденіе опытныхъ станцій суть предпріятія, осуществленіе которыхъ выходитъ за предѣлы силъ отдѣльнаго мѣстнаго дѣятеля; по-этому, Н. Л. не ограничивался пропагандой такихъ предпріятій, а по мѣрѣ возможности способствовалъ всему, что въ концѣ концовъ вело къ той же цѣли—поднятію сельскаго хозяйства въ губерніи. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ упоминанія его совмѣстная съ А. П. Балакинымъ дѣятельность по учрежденію 1-го Тобольскаго отд. Имп. Московскаго О-ва Сельскаго хозяйства въ г. Курганѣ: по мысли Н. Л-ча въ Тобольской губ., лишенной земскаго самоуправленія, необходимо было создать, въ видѣ отдѣла, такую организацію общественныхъ силъ, компетентныя мнѣнія которой оказывали бы вліяніе и на мало согласованную дѣятельность крестьянскихъ чиновниковъ, являвшихся въ то время единственными проводниками агрономическихъ мѣропріятій въ населеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, основанномъ въ 1897 г., Н. Л. много работалъ, состоя, между прочимъ, и членомъ его правленія.

Еще болѣе силъ отдалъ онъ на устройство и улучшеніе Тобольскаго Губернскаго Музея; Музей этотъ, по его замыслу, долженъ былъ стать не только мѣстнымъ центромъ средоточія свѣдѣній о природѣ и населеніи губерніи, накопляющихся въ зависимости отъ случая, а также и такой организаціей, которая могла бы проявлять планомерную инициативу въ дѣлѣ разнообразныхъ научныхъ изслѣдованій мѣстнаго края, столь необ-

ходимыхъ съ точки зрѣнія Н. Л-ча; ибо, по его убѣжденію, „знаніе своей страны есть сила, безъ которой народный трудъ не можетъ развиваться и прогрессировать“¹⁾. Главное препятствіе къ развитію Музея въ этомъ направленіи—недостаточность средствъ—впослѣдствіи было до извѣстной степени устранено, повидимому, благодаря содѣйствию Н. Л-ча въ качествѣ депутата Госуд. Думы, и Музей началъ получать ежегодныя правительственныя субсидіи. Состоя одно время консерваторомъ Музея, Н. Л. приводилъ въ порядокъ коллекціи Музея и способствовалъ пополненію ихъ собственными сборами, не упуская случая пробуждать интересъ къ Музею въ мѣстной интеллигенціи; онъ устраивалъ въ Музеѣ объяснительныя чтенія, при чемъ и самъ выступалъ въ качествѣ лектора съ цѣлью популяризаціи знаній о природѣ Тобольской губерніи²⁾.

Цѣлый рядъ предпріятій, имѣвшихъ цѣлью подъемъ сельскаго хозяйства Тобольской губерніи, связанъ съ именемъ Н. Л-ча: такъ напр. сельскохозяйственная выставка въ Курганѣ въ 1895 обязана была въ значительной мѣрѣ своимъ устройствомъ и успѣхомъ личной работѣ Н. Л-ча; много труда было положено имъ на созданіе сельскохозяйственной школы въ Тобольскѣ, на изданіе и редактированіе основаннаго имъ „Справочн. Листка сельск. хоз. и кустарн. промышленности“ при Тобольскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, на содѣйствіе развитію маслодѣлія и на помощь всякимъ начинаніямъ въ области сельскаго хозяйства, отъ кого бы такія начинанія не исходили; глубоко вѣря въ необходимость организациі общественныхъ силъ, Н. Л. съ величайшей готовностью шелъ навстрѣчу попыткамъ кооперативной дѣятельности крестьянъ, не упуская случая, гдѣ только было возможно, пробудить таковую; но онъ никогда не оставлялъ безъ своего содѣйствія и совѣта и тѣхъ лицъ, которыя желали вводить улучшенія въ ихъ индивидуальныя хозяйства.

Неустанныя работы Н. Л. на пользу Тобольской губ. создали ему большую популярность въ населеніи, но отразились

¹⁾ Къ вопр. о борьбѣ съ кобылкою въ Тобольской губ., Тоб., 1897. стр. 14.

²⁾ Два такихъ чтенія были напечатаны въ Сиб. Листкѣ за 1899 г. подъ заглавіемъ „Опытъ естественно-историческаго описанія Тобольской губерніи“.

и на его здоровьи: въ письмахъ и разговорахъ при нашихъ рѣдкихъ личныхъ свиданіяхъ между 1899 и 1904 г. все чаще слышалъ я отъ Н. Л. жалобы на переутомленіе; тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ работать съ той же интенсивностью какъ и раньше. Въ концѣ 1904 г. Н. Л. неожиданно для себя былъ командированъ Департаментомъ Земледѣлія въ Енисейскую и Томскую губ. для заготовки мяса для арміи. Неподкупная честность Н. Л. и строгое отношеніе его къ своимъ обязанностямъ гарантировали успѣхъ порученнаго ему отвѣтственнаго дѣла; но лично для Н. Л.-ча эта командировка доставила много непріятностей и нравственныхъ страданій: столкнувшись непосредственно съ ненасытной алчностью однихъ и легкомысленнымъ попустительствомъ другихъ, столь частыми въ то время въ глубокомъ тылу нашей арміи, Н. Л., вообще болѣвншій душой отъ нашихъ неудачъ въ эту несчастную войну, пришелъ къ тяжелому для себя убѣжденію, что при наличности такого отношенія къ дѣлу невозможно рассчитывать на благопріятный исходъ войны.

Возвратившись въ Tobольскъ въ февралѣ 1905 г. еще болѣе переутомленнымъ, Н. Л. началъ мечтать объ отдыхѣ; отдыхъ этотъ онъ однако намѣревался посвятить обработкѣ своего гербарія: до того времени онъ напечаталъ лишь рядъ небольшихъ замѣтокъ, въ которыхъ касался растительности Tobольской губ. (перечисленіе ихъ сдѣлано Д. И. Литвиновымъ въ Библіографіи Фл. Сибири, стр. 260—262); сознавая необходимость полнаго списка растений губерніи, онъ съ 1900 года началъ подготовительную къ нему работу литературнаго характера (она была напечатана въ 1910 г. въ XVIII вып. Ежегодника Tob. Музея подъ заглавіемъ „Списокъ растений Tobольской губ. и окрестностей Омска“ и содержитъ перечисленіе свыше 1100 видовъ, указанныхъ разными авторами, съ ссылками во многихъ случаяхъ на собственный гербарій Н. Л.-ча, однако безъ приведенія мѣстопахожденій ¹⁾); чтобы быть въ

¹⁾ Еще позднѣе, уже въ 1913 г., въ томъ же Ежегодникѣ появился цѣпный „Ботаническій Словарь“ Н. Л.-ча, въ которомъ приводятся собранныя имъ за службу въ Tobольской губ. свѣдѣнія о народныхъ названіяхъ, а отчасти и объ употребленіи 441 вида растений, съ указаніемъ пунктовъ, въ которыхъ получены данныя о названіяхъ и употребленіи. Для многихъ растений, кромѣ русскихъ, приведены и инородческія названія на самоѣдскомъ, остяцкомъ, догульскомъ, зырянскомъ, татарскомъ и киргизскомъ языкахъ.

состояніи критически отнестись къ литературнымъ показаніямъ, Н. Л. и имѣлъ въ виду, взявъ 4-мѣсячный отпускъ, заняться обработкой своихъ собственныхъ сборовъ въ Томскомъ университетѣ. Однако, Н. Л-чу не удалось отдохнуть за лабораторной работой, а наоборотъ пришлось принимать непосредственное участіе въ томъ водоворотѣ событій, которыя ознаменовали собою конецъ 1905 года. Въ результатѣ, въ январѣ 1906 г., Н. Л. въ административномъ порядкѣ былъ заключенъ въ Тобольскую тюрьму и послѣ семинедѣльнаго пребыванія въ ней былъ высланъ въ г. Березовъ. Я не имѣю документовъ для сужденія о мотивахъ этихъ каръ, обрушившихся на всегда корректнаго Н. Л-ча; самъ онъ сообщалъ мнѣ, что ближайшимъ для нихъ поводомъ было устройство имъ, съ разрѣшенія мѣстной губернской администраціи, крестьянскаго съѣзда въ концѣ 1905 г.; съѣздъ этотъ былъ воспрещенъ изъ Петрограда, но запрещеніе, благодаря разстройству телеграфной службы въ то время, пришло уже послѣ съѣзда. Былъ ли этотъ поводъ единственнымъ, скажутъ впоследствии тѣ, у кого въ рукахъ будутъ документальныя данныя относительно событій 1905 г. въ Тобольскѣ. Какъ бы то ни было, уже въ августѣ 1906 г. Н. Л., по распоряженію Н. Л. Гондатти, въ числѣ многихъ другихъ, высланныхъ одновременно съ нимъ, былъ возвращенъ въ Тобольскъ, откуда, повидимому, слѣдуетъ заключить, что никакихъ особо серьезныхъ провинностей за нимъ не числилось. Но благодаря аресту и высылкѣ должность губернскаго агронома была, конечно, утрачена, и для Н. Л-ча наступило время заботъ о дальнѣйшемъ устройствѣ своихъ дѣлъ. Нѣкоторый заработокъ былъ доставленъ Н. Л-чу Департаментомъ Земледѣлія, заказавшимъ ему брошюры о кобылкѣ и объ устройствѣ сельскохоз. музеевъ при школахъ; кромѣ того, Н. Л. занялся сотрудничествомъ въ различныхъ изданіяхъ, преимущественно сельскохозяйственныхъ, что, однако, при наличности большой семьи, не сулило возможности прожить на литературный гонораръ.

Приближались выборы во 2-ую Госуд. Думу. Н. Л-ча начали уговаривать баллотироваться; онъ былъ въ нерѣшительности, такъ какъ искренно считалъ себя мало пригоднымъ для думской работы, о чемъ и заявилъ въ письмѣ, напечатанномъ въ Сиб. Листкѣ; съ другой стороны, онъ не имѣлъ обыкнове-

нія уклоняться отъ общественной работы, а потому и не считъ себя въ правѣ категорически отказаться отъ выборовъ. Въ началѣ 1907 г. онъ прошелъ въ выборщики по квартирному цепену въ Тобольскѣ, получивъ около 70% изъ 1496 голосовъ, а затѣмъ и въ депутаты 2-й Госуд. Думы. Несомнѣнно, его избирали именно какъ Н. Л. Скалозубова, а не какъ лицо съ яркой политической программой, ибо Н. Л. не былъ, да по свойствамъ своей натуры и не могъ быть политикомъ: чувство правдолюбія, какъ извѣстно, не очень годится для практическаго политика, связаннаго партійной программой и обязаннаго подчиняться партійнымъ директивамъ; а это чувство было сильно развито въ Н. Л-чѣ. Изъ личныхъ разговоровъ съ Н. Л-чемъ я долженъ былъ заключить, что именно сознаніе несвободы своихъ сужденій послужило мотивомъ для выхода Н. Л-ча изъ партіи народныхъ социалистовъ, къ которой онъ первоначально примкнулъ во 2-й Думѣ. Тѣмъ не менѣе, и ставъ безпартійнымъ, онъ былъ переизбранъ въ 3-ю Госуд. Думу отъ Тобольской губ.: лучшее доказательство, что тобольскіе избиратели дарили Н. Л-ча своимъ довѣріемъ независимо отъ политическаго ярлыка, который на немъ стоялъ. И ошибки въ этомъ не было, ибо въ лицѣ Н. Л-ча не только Тобольская губ., а и вообще Сибирь получала чрезвычайно энергичнаго защитника своихъ интересовъ.

За этотъ думскій періодъ своей жизни (по 1912 г.) Н. Л-чъ, благодаря своей исключительной работоспособности, принималъ, въ качествѣ члена нѣсколькихъ думскихъ комиссій, живѣйшее участіе въ разработкѣ многихъ весьма важныхъ для Евр. Россіи и Сибири вопросовъ; по сообщенію Омск. Вѣстн., Н. Л. былъ инициаторомъ одного заявленія Госуд. Думѣ, имѣвшаго послѣдствіемъ организацию областныхъ опытныхъ станцій въ Россіи; несомнѣнно, нѣкоторыя мѣропріятія въ области сельскохозяйственнаго и переселенческаго дѣла прошли черезъ 3-ю Думу благодаря подготовительной работѣ Н. Л-ча. По мѣрѣ силъ онъ старался по литературнымъ даннымъ и черезъ мѣстныхъ корреспондентовъ знакомиться съ положеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые обсуждались въ Думѣ; а съ вопросомъ объ оросительныхъ работахъ въ Туркестанѣ онъ ознакомился и лично, предпринявъ соответственную поѣздку въ одинъ изъ

думскихъ вакантовъ, чтобы, какъ говорилъ онъ мнѣ, „знать, на что Думѣ приходится отпускать деньги“.

По мѣрѣ того, какъ приближался конецъ депутатскихъ полномочій, въ Н. Л-чѣ укрѣплялось рѣшеніе не выставлять своей кандидатуры въ 4-ую Думу. Разныя причины обусловили такое рѣшеніе; въ числѣ ихъ, кромѣ возраставшаго переутомленія, была одна, мало замѣтная для людей не очень близкихъ къ Н. Л-чу: съ годами въ немъ все возрастало желаніе устраниваться отъ чрезвычайнаго разнообразія задачъ преимущественно практическаго характера, съ которыми ему такъ или иначе приходилось имѣть дѣло и въ качествѣ губернскаго агронома, и въ качествѣ депутата, чтобы сконцентрировать свой трудъ на одномъ дѣлѣ, сильно его привлекавшемъ. Мысль объ этомъ дѣлѣ начала развиваться въ Н. Л-чѣ съ первыхъ годовъ его пребыванія въ Тобольской губ. И самой жизнью, и нѣкоторыми изслѣдователями сѣвера выдвигался вопросъ о культурѣ хлѣбовъ въ сѣверныхъ районахъ губерніи; при опытахъ посѣва вышисныхъ сортовъ оказалось однако, что эти сорта, заведомо скороспѣлые, вызрѣваютъ на сѣверѣ Тобольской губерніи медленно, чѣмъ мѣстные тобольскіе хлѣба, о скороспѣлости которыхъ никто не заботился. Отсюда становилось вѣроятнымъ, что наиболѣе подходящіе сорта хлѣбовъ слѣдуетъ искать посреди мѣстныхъ расъ, и что именно среди нихъ можно надѣяться найти наиболѣе благопріятный матеріалъ для дальнѣйшаго улучшенія. Необходимо было, прежде всего, ориентироваться въ мѣстныхъ сортахъ различныхъ хлѣбовъ, въ то время почти совсѣмъ неизвѣстныхъ; и я помню, съ какимъ увлеченіемъ рассказывалъ мнѣ Н. Л. напр. о такъ наз. „шадринкахъ“ изъ Туринскаго уѣзда, и какихъ практическихъ послѣдствій для края ожидалъ онъ отъ планомѣрнаго изученія тобольскихъ сортовъ. Самъ онъ сдѣлалъ начало предварительному изслѣдованію этихъ сортовъ, напечатавъ „Описаніе 374 образцовъ пшениць урожая 1898 г., собранныхъ въ Тобольской губ.“ (Тобольскъ, 1900 и 1901) и продолженіе этой работы падъ урожаями другихъ годовъ (въ Юбил. сборникѣ И. А. Стебута). Далѣе онъ предполагалъ произвести рядъ культурныхъ опытовъ для изученія растений, выращенныхъ изъ зеренъ различныхъ имъ сортовъ; но отъ опытовъ этихъ ему пришлось отказаться, глав-

вымъ образомъ по отсутствію подходящей обстановки. Тогда онъ задумалъ собрать данныя для біометрической характеристики нѣкоторыхъ сортовъ пшеницы; во время тюремнаго заключенія въ Тобольскѣ у него, какъ онъ пишетъ, „пашлось и свободное время для производства соотвѣтственныхъ измѣреній“ около 2000 шт. колосьевъ „усатой“ и „голой“ яровой пшеницы урожая 1905 г. (результаты этихъ измѣреній отчасти опубликованы Н. Л. совместно съ г. Фляксберггеромъ во II т. Трудовъ Бюро по прикл. бот., 1909).

Переѣздъ изъ Тобольска прервалъ начатые Н. Л-чемъ работы по изученію сортовъ хлѣбныхъ растений Тобольской губ. Но знакомство въ Петроградѣ съ Р. Э. Регелемъ и другими дѣятелями Бюро по прикл. ботаникѣ и возможность пользоваться литературой въ гораздо большемъ масштабѣ, чѣмъ въ Тобольскѣ, углубили и расширили интересъ Н. Л-ча къ вопросамъ сортоводства. Сознавая огромное значеніе скорѣйшаго развитія этого дѣла для Россіи, Н. Л. считалъ весьма важной популяризацию научныхъ основаній сортоводства; съ этой цѣлью онъ напечаталъ въ 1910 г. (въ Прилож. къ Тр. Бюро по прикл. бот.) статью подъ заглавіемъ: „Какъ выводятся новые сорта культурныхъ растений“ съ значительнымъ числомъ рисунковъ ¹⁾. Къ концу 3-ей Думы, Н. Л-ча все больше привлекала мысль найти себѣ такую дѣятельность, въ которой ему удалось бы приложить свои силы къ практикѣ русскаго сортоводства, и онъ сообщалъ мнѣ объ одной своей попыткѣ въ этомъ направленіи, окончившейся неудачей. Однако, въ концѣ концовъ судьба повидимому улыбнулась Н. Л-чу: въ лицѣ землевладѣльца Курганскаго у., Л. Д. Смолина, онъ встрѣтилъ человѣка, готоваго пойти на матеріальный рискъ для устрой-

¹⁾ Стремленіе къ популяризациі естественно-историческихъ свѣдѣній вообще было сильно развито въ Н. Л-чѣ, и онъ неоднократно выступалъ въ роли популяризатора. Такимъ образомъ появилась и отмѣченная выше его книга „Что нужно знать земледѣльцу etc.“, представляющая переработку его курса, читаемаго въ Тобольской фельдшерской школѣ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и еще одну его книгу такого же характера, именно „Пособіе для ботаническихъ экскурсій. Жизнь растенія въ примѣрахъ изъ русской флоры“, съ 368 рис., СПБ., 1912.

ства сѣмяннаго хозяйства, въ которомъ работу селекціонера: бралъ на себя Н. Л. Такимъ образомъ возникло въ началѣ 1913 года въ Петровскомъ около г. Кургана „сѣменное хозяйство Л. Д. Смолина и Н. Л. Скалозубова“, первая селекціонная станція въ Сибири. Предварительно, въ концѣ 1912 г.. Н. Л. объѣхалъ многія русскія опытныхъ станціи и частныхъ хозяйства, знакомясь съ постановкой селекціоннаго дѣла. Съ весны 1913 г. онъ приступилъ къ работамъ въ Петровскомъ. Въ одномъ изъ писемъ того времени (см. № 22 Сиб. Листка за 1915 г.), говоря о началѣ работъ на станціи, онъ обронилъ характерную фразу: „По крайней мѣрѣ попробую осуществить то, о чемъ давно мечталъ“. Эта фраза является полнымъ подтвержденіемъ того, что рассказано выше относительно развитія въ Н. Л-чѣ стремленія къ работѣ въ области сортоводства.

Съ 1913 г. начались опыты Н. Л-ча съ яровыми пшеницами и овсами сибирскаго и внѣсибирскаго происхожденія и съ разными сортами кукурузы; кромѣ того, были произведены посѣвы кормовой свеклы и нѣкоторыхъ другихъ кормовыхъ травъ, а также картофеля и различныхъ гороховъ. Съ осени 1913 г. приступлено къ опытамъ съ озимыми пшеницами. Въ 1914 г. масштабъ работъ расширенъ качественно и количественно благодаря постановкѣ опытовъ съ растеніями, не бывшими въ культурахъ 1913 г. За 1914 г. появилось восемь статей о дѣятельности станціи; большая ихъ часть написана Н. Л-чемъ единолично¹⁾ и касается лишь нѣкоторыхъ опытовъ 1913 г. Объ остальномъ печатныхъ свѣдѣній почти не появилось, а между тѣмъ опытовъ и наблюденій за два года было

¹⁾ Онѣ именованы въ XXIV вып. Ежег. Тоб. Музея въ статьѣ Л. Д. Смолина и Н. Л. Скалозубова „Краткій обзоръ дѣятельности Селекціонной Станціи etc.“; вотъ ихъ перечисленіе: 1) О выравниваніи густоты посѣвовъ разныхъ хлѣбовъ при сортоиспытаніи; 2) Урожай на маленькихъ дѣлянкахъ и на парахъ; 3) Опыты посѣва кукурузы въ Кург. у. (всѣ эти статьи въ Землед. Газ. 1914 г.); 4) Сѣменное хозяйство Смолина и Скалозубова на выставкѣ сѣмянъ въ Курганѣ въ 1914 г. (Справ. лист. по сѣдскому хоз. и маслод., Курганъ, 1914); 5) Сортоиспытаніе яровыхъ пшеницъ (Южно-Русск. сельск.-хоз. газета 1914); 6) Испытаніе сортовъ овса (Журн. Сельск. хоз. и Лѣс. 1914); 7) О сорныхъ травахъ лѣтомъ 1913 г. на поляхъ Курганскаго у. (Тр. Бюро по прикл. бот. 1914).

сдѣлано Н. Л-чемъ весьма много: въ октябрѣ 1914 г. онъ писалъ мнѣ, что имѣеть съ селекціонныхъ полей огромный матеріалъ потомствъ чистыхъ линій разныхъ расъ, который предстоитъ обработать, сообщалъ о нѣкоторыхъ своихъ наблюденіяхъ и въ концѣ прибавилъ: „Какъ жаль, что жизнь уже кончается, а столько новыхъ и любопытныхъ вопросовъ еще только намѣчается“. Эта фраза, къ несчастію, содержала въ себѣ жестокое пророчество: въ началѣ февраля 1915 г. Н. Л. заразился сыпнымъ тифомъ, вѣроятно, завезеннымъ военноплѣнными, и скончался 19 февраля въ г. Курганѣ, въ крестьянской больницѣ, на рукахъ д-ра Успенскаго.

Такимъ образомъ, нежданно подкрававшаяся смерть прервала начатое Н. Л-чемъ большое дѣло, на которое самъ онъ возлагалъ столько надеждъ. Но сознаніе важности этого дѣла уже распространилось благодаря вліянію Н. Л-ча: Сельскохоз. Съѣздъ Тобольской губ. 28 февраля, заслушавъ докладъ Курганскаго Отд. Моск. Об-ва Сельск. Хоз. о смерти Н. Л. и о передачѣ Л. Д. Смолинымъ всѣхъ коллекцій и приборовъ станціи Курганскому Отд., призналъ, что работа станціи „имѣеть первостепенное значеніе для дальнѣйшаго упроченія сельскаго хозяйства не только въ предѣлахъ губерніи, но и для всей Западной Сибири“, и потому сдѣлалъ рядъ постановленій, чтобы обезпечить продолженіе дѣятельности станціи. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, Гл. Управление Земледѣлія уже удовлетворило ходатайство Съѣзда о денежной субсидіи для продолженія въ 1915 г. работъ, начатыхъ Н. Л-чемъ. Остается пожелать, чтобы не встрѣтилось другихъ препятствій для дальнѣйшаго развитія этой селекціонной станціи, которую въ память о ея идейномъ инициаторѣ надлежало-бы назвать Скалозубовской.

Я хорошо сознаю, что сдѣланный мною очеркъ жизненной работы Н. Л-ча вышелъ болѣе блѣднымъ, чѣмъ мнѣ хотѣлось бы ¹⁾. Отчасти виновата въ этомъ моя малая освѣдом-

¹⁾ Я обязанъ благодарностью сестрѣ покойнаго, А. Л. Скалозубовой, за сообщеніе нѣкоторыхъ данныхъ изъ жизни Н. Л-ча и предоставленіе мнѣ нѣсколькихъ его писемъ, а также редактору Сибирскаго Листка, М. Н. Костюриной, за присылку номеровъ этой газеты за февраль и мартъ 1915 г.

ленность въ нѣкоторыхъ сторонахъ его дѣятельности; даже полнаго списка его работъ, такъ или иначе относящихся въ области ботаники, я не могъ бы привести, ибо не имѣю полнаго ихъ собранія. Но можетъ быть написанное мною будетъ не-безполезно въ качествѣ матеріала для составленія болѣе подробной біографіи Н. Л-ча.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы сказать два слова о покойномъ, какъ человѣкѣ. Н. Л. привлекалъ къ себѣ необыкновенной отзывчивостью къ чужому страданію; всегда готовый, нерѣдко даже въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ, помочь всякому, находящемуся въ несчастіи, свои собственные невзгоды онъ переносилъ безропотно, не говорилъ о нихъ и не любилъ, чтобы къ нимъ прикасались другіе; молчаливо переживая собственные страданія, онъ только глубже зарывался въ текущую работу и еще охотнѣе шелъ на помощь другимъ. Свои убѣжденія онъ высказывалъ, не стѣсняясь неудобными практическими послѣдствіями, къ которымъ это могло привести и нерѣдко дѣйствительно приводило; въ то же время онъ былъ лишенъ той сектантской складки, которая заставляетъ настаивать на своемъ мнѣніи и послѣ того, какъ его несостоятельность обнаружена чужой критикой. Въ области моральной онъ отличался удивительной чистотой, совсѣмъ не похожей на ту отвратительную смѣсь лицемерія и разчета, которая многими—иногда даже искренно—почитается за добродѣтель. Но его собственная нравственная чистота не ожесточала, какъ иной разъ бываетъ, его сужденій о слабыхъ людяхъ: врожденная доброта заставляла его обыкновенно подыскивать объясненія дурнымъ поступкамъ другихъ, особенно если эти поступки затрогивали его самого.

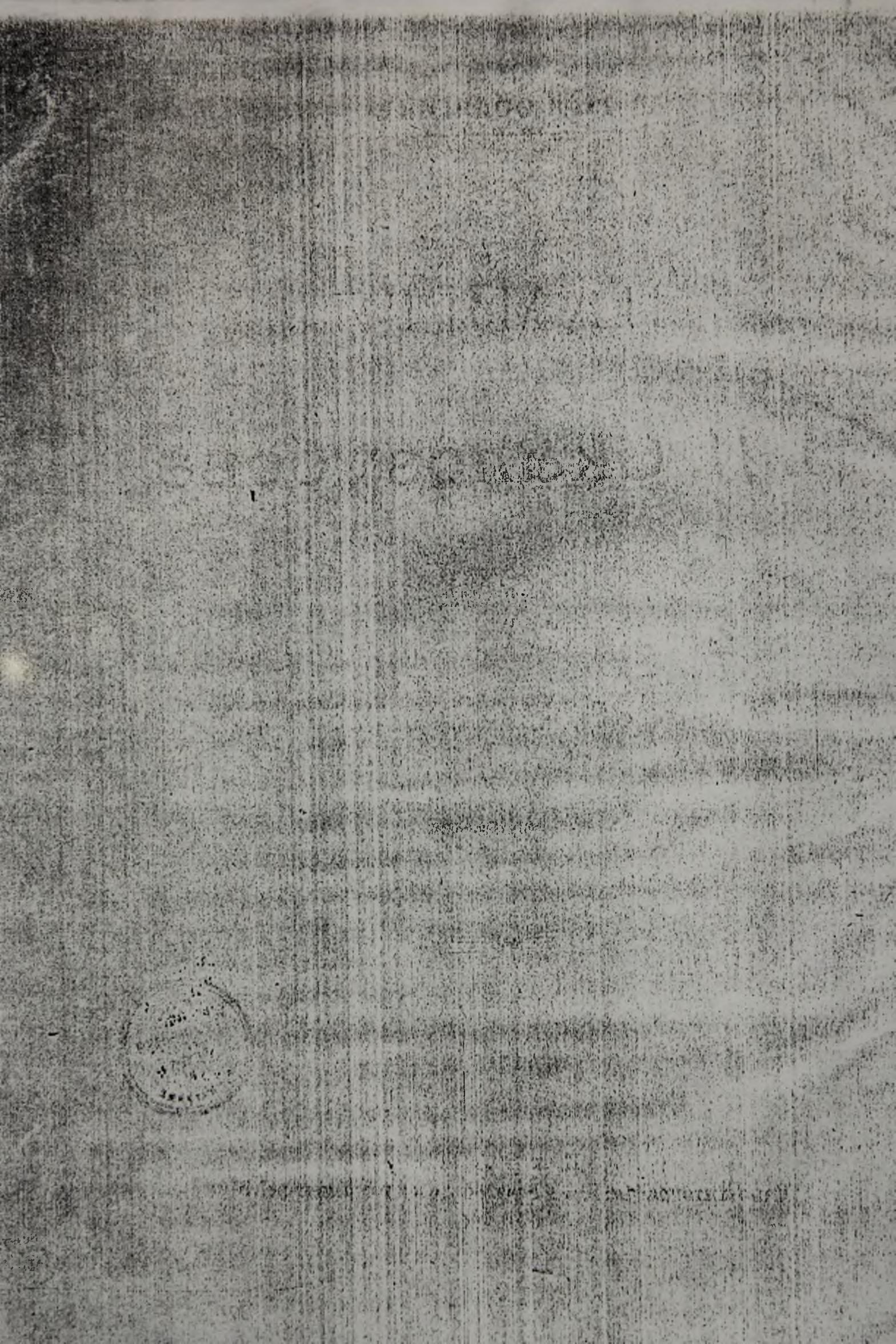
И тѣмъ тяжелѣе безвременная утрата Н. Л-ча для его семьи и для всѣхъ, кто имѣлъ счастье близко узнать его, какъ человѣка....

Казань, 19. IV. 1915.

87

a

084092010

Государственная библиотека Югры

1952年
10月

10月

10月

10月

10月

10月

10月

1952年
10月

10月

10月

10月

10月